

Оглавление

Пролог

Ноябрь. Кого знаешь

7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Июль. Королевская ночь

15

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Август. Летняя практика

109

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Сентябрь. Бабья осень

169

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Октябрь. Какой комплекс

239

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Октябрь. Огнеупорное сопротивление

329

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Ноябрь. Ноябрьская демонстрация

397

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Декабрь. Образование льда

527

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Январь. На сохранение

599

Эпilog

Февраль. Пусть живет

725

Пролог

Ноябрь. Кого знаешь

От остановки “Седьмой комплекс” прямой автобус до Ленинского проспекта — и дальше, к сорок пятому. Почти до дома. Я очень хотел домой, всем избитым телом и головой. Но понимал, что сразу домой лучше не ехать. Хамадишин наверняка дал команду всем постам — или как там у них говорится, — так что сейчас по округе начнут ловить помятых пацанов, а если не поймают, будут выяснять у прохожих и проезжих, куда поехал помятый пацан. Поэтому я ждал не прямо на остановке, а чуть поодаль, хотя народу под навесом почти не было, и сел в первый подошедший автобус. Это оказалась трешка, которая шла по проспекту Мира.

Автобус был полупустым — это у нас редкость, даже в “гармошках”. Пассажиры дремали или пялились в окно. На меня никто не обратил внимания. И правильно, подумал я, пробрался в стык салонов, самое темное место, и осторожно привалился плечом к вертикальному поручню. В середину груди будто лом влетел, но почти сразу стало терпимо. Из трещин в резиновом рукаве, соединявшем половинки автобуса, дуло прямо в лицо. Сквознячок убавил боль и позволил дышать, не пугаясь немедленной рвоты. Сердце перестало стучать словно отбойный молоток. Может, поэтому я начал зябнуть. И ноги в сапогах как

будто подмокли — во всяком случае, пальцы скользили по меху, будто по сырой говядине. Видимость сквозь запотевшие стекла была неважной, но проспект казался обыкновенным — полупустым и слабо освещенным. Как будто ничего не произошло. Как будто мир не рухнул два раза подряд.

А может, он и впрямь не рухнул, подумал я, разглядывая приближающиеся огни длиннющего дома шесть ноль один, где “Ташкент”. Никто ведь, кроме меня, не заметил. Вон, едут, дремлют, по улицам бродят и по домам телик смотрят. Наверное, и Саня дома сидит, кино зырит — по первой что-нибудь толковое показывают, детектив или комедию, воскресенье ведь. Странно, конечно, что кто-то может сейчас зырить комедии с детективами. Я-то точно не могу. Но Сане что. Он, наверное, и на похоронах не был, Серого ведь не знал и всего остального тем более знать не может. Зайду к нему или в “Ташкент” минут на пять хотя бы, решил я, а домой вернусь — смогу честно ответить родителям, что был у одноклассника.

Соскочил я, получается, на третьей всего остановке, подивившись на лету, почему у нас вечно всё вприпрыжку, даже шестой и седьмой комплекс не рядышком, как должны бы по идее, пятый и восьмой между ними вклинились. Соскочил слишком бойко, череп как будто ударился сводом о палку, торчащую из шеи. Стало больно и гадостно, да еще нога подкосилась, и я чуть не сыграл под заднее колесо автобуса. Ладно, он успел отъехать, напоследок вонюче фыркнув мне в нос. Я закашлялся так, что натурально наизнанку вывернуло — пришлось забежать за павильон.

Вообще, ненавижу такое и презираю тех, кто гадит на улицах, а теперь вот сам нагадил. Позорище, подумал я, шамкая горящим ртом и мучительно пытаясь подобрать липкие проводки слюны, свесившиеся, кажется, ниже ворота. Хорошо хоть остановка пу-

стая, не видит никто. Я оперся рукой о тыльную стенку навеса из некрасивых стальных листов. Листы были погнутыми, мусорно-синяя краска лупилась, как плечи на курорте.

Я постоял, пытаюсь понять, в каком месте мне особенно худо. Выходило, что в этом, на остановке “Шестой комплекс”. Живот болел, ноги тряслись и мерзли, а затылок горел. Что-то совсем непонятное было с руками: пальцы в варежках скрючивались, как будто я их в канцелярский клей макнул. Я стащил варежки и обнаружил, что кисти у меня неровно бурые, как у чумазого индейца. Чтобы рассмотреть получше, пришлось подойти к фонарю. Я некоторое время туповато рассматривал руки, куртку, огладил карманы, вжикнул молнией и только после этого поверил, что мне не кажется, будто куртка на животе залита кровью, а карман ее изрезан.

Снегом бы почиститься, но он с ноябрьских весь стаял. Точно надо к Сане, замываться, подумал я, сделал шаг и замер. А если его родители увидят? Или кто угодно — присмотрится и поймет, что куртка у меня на животе не просто так мокрая. И в милицию позвонит. А я, получается, Саню подставлю.

Я поспешно ушел в тень, еще раз внимательно осмотрелся и подумал, что фигня все это. Куртка темно-синяя, живот темно-темно-синий, прорези узкие, никто ничего не заметит. А и заметит, ничего страшного — может, меня автобус обрызгал или я в лужу свалился. В любом случае сегодня по проспекту Мира ходила куча самых разных пацанов в самом разном состоянии и с самым разным содержимым карманов, я на этом фоне вряд ли сильно выделяюсь. Хотя содержимое лучше бы, конечно, выбросить. Прямо сейчас.

Я огляделся, вытащил из кармана нож, с трудом присев, повалял его в ближайшей луже, в которой обмыл и руки, вытер все варежками, повалял и обтер

нож снова, опустил в урну. Он даже не звякнул — значит, урна не пустая. Тем лучше. Выжал варежки, затолкал по карманам вместе с окоченевшими руками и побрел к Сане. Чтобы хоть немного согреться.

Оптимист. Сани не было дома — мотался где-то с кем-то, видимо. Или в гости вместе с родителями ушел. В такую погоду мотаться не очень интересно. Я бы и сам сейчас куда угодно ушел, хоть с родителями, хоть один. Хоть в гости, хоть на Северный полюс.

Я поцарапал ногтем дутую шляпку гвоздика на дерматиновой обивке двери, неглубоко вздохнул и пошел на улицу.

Меня встретили сразу за аркой, в которую я свернул, покинув подъезд. Трое пацанов: двое моего возраста, третий помладше или просто кушает плохо. Одеты в стандартную униформу “шестаков” — широкие драповые штаны, телогрейки с блестящей застежкой от подтяжек вместо верхней пуговицы, белые лыжные шапки с помпоном и козырьком. Моя вьетнамская куртка с кроличьей шапкой была для пацанов, наверно, как неоновая вывеска “чушпан”. Обычно меня это не трогало, но сейчас я не в том состоянии, чтобы позволить себе неприятности.

— Какой комплекс? — спросил тот, что справа, мелкий и худой.

— Сорок пятый, — сказал я спокойно, почти не соврав.

— Зашибись. Десять копеек есть?

— Нету.

— А если найду? — осведомился второй, покрупнее, с красивыми светлыми глазами. Наверное, голубыми.

— Зубы жмут? — уточнил я.

— Не понял! — хором воскликнули оба.

Третий пока молчал — видимо, основной.

— Объяснить? — сказал я и улыбнулся.

Видимо, нехорошо улыбнулся — мелкий, явно готовившийся, как ему и положено, врезать мне в нос и либо отскочить, либо отлететь в сторону, даже отшатнулся. Это его смутило, и он набрал в грудь промозглого воздуха, чтобы зайти в истерику. Тут вступил третий:

— Кого знаешь?

— Пятака знаю, — сказал я, чуть расслабившись.

— Пятака все знают, — справедливо отметил голубоглазка. — Жопой чую, бздишь ты, как Троцкий. Кого еще знаешь?

— Оттавана знаю, Бормана, Кису, Пуха. Хватит жопе твоей, нет?

— Ты чё, блин, автор, что ли? — поинтересовался голубоглазый и слегка вышагнул левой ногой.

— А ты проверить решил? Айда, проверь, — предложил я, обозначив встречное движение.

Голубоглазка дернул глазами в сторону основного и вернул ногу на место. Получилось, просто топтался. Зато ко мне рванул мелкий:

— Ты чё, блин! Я борзых таких!..

Основной скомандовал:

— Спокуха, Скиппи. — И уже у меня спросил: — Отвечаешь за свои слова?

— Отвечают только пидарасы, — устало сказал я.

— Я не всосал, ты самый смелый тут? — не выдержал голубоглазка.

— Сомнение бар*? — поинтересовался я.

Пацаны явно припухли от моей наглости, потому что не могли врубиться, мозги я отстудил или такой дерзкий оттого, что действительно знаюсь с перечисленными авторами, — а если и впрямь знаюсь, почему сам из сорок пятого и почему они меня не знают. А я и сам не понял, зачем даю крутого. Махаться ведь

* Есть (тат.).

совсем не хотел и почти не мог — хотя, если начнется, отобьюсь, наверное. А может, и не стану. Сильный урон мне не грозил — железа у пацанов с собой вроде не было, моя одежда и их варежки должны смягчить удары. Зато получится, как говорят в детективах, железное алиби: был в шестом, был бит, бежал с позором. Если, конечно, никто не догадается садануть мне в грудь или в ухо. От боли я могу не выдержать и пойти в настоящий отмах, и тогда фиг знает, что будет.

До этого не дошло. Вообще ни до чего не дошло. Главный решил не рисковать. Он померил взглядом мой рост, еще раз взгляделся в лицо (хотя вряд ли что приметное увидел — под моим малахаем да в неровном свете недобитого фонаря-то) и сказал:

— Я тебя запомнил, понял? Если что — найду.

Я молчал, ожидая продолжения.

Главный постоял еще немного, плюнул — мимо моей ноги, а то пришлось бы махаться, — развернулся и пошел. За ним побрели остальные.

Я постоял еще несколько секунд, пока они не углубились в арку, нашарил в кармане тусклый гривенник, бросил его в грязь и пошел к остановке.

Полгода назад, да чего там — пару часов назад после такой встречи меня трясло бы, как водопроводный кран в новостройке. Не говоря уж об остальных признаках “очка на минусе” — в животе холод, во рту медь, голос писклявый. А теперь в голове и под горлом была какая-то острая тоска. Как будто я впервые понял, что умру.

Я не исключал, что умру прямо сейчас, — очень уж сильным был удар Хамадишина. Может, у меня ребро завернулось и пробило легкое, оттого и дышать тяжело. Тоска, конечно, была не от этого. Но раз уж не умер, надо не рассуждать, а действовать — все время, пока не умер. Тогда и умирать будет некогда.

Остановка так и была пустой, двадцать третий подошел почти сразу, почти заполненный, но тем лучше — всем не до меня. Из автобуса я вышел, уже все придумав, поэтому не сразу перешел проспект Вахитова, а свернул в арку и чуть углубился в сорок пятый комплекс. Мусорный бак обнаружился у первого же подъезда, почти заполненный: ножки сломанного стула высывались зенитной установкой, будто ждали натовского налета. Во дворе было сумрачно и пусто — только за детской площадкой трепалась пара собачников, один с овчаркой, другой, кажется, с эрделем. На меня они внимания не обращали. Я осторожно стянул куртку, свернул предельно туго, сунул под сиденье стула, поежился, нахлобучил шапку поглубже, затолкал руки в карманы штанов и пошел домой так быстро, как мог.

На пятый поднялся пешком, чтобы запыхаться. Боль разыгралась всерьез, на последнем пролете даже слезы брызнули. Вот и правильно.

Я вжал кнопку звонка — колокольчик задылдыл в ритме милицейской сирены, — продавился мимо встревоженной мамы, часто дыша, стащил заляпанные сапоги. Болело все страшно.

— Артурик, что случилось? Где куртка?

— Ничего! — плаксиво крикнул я, влетел в ванную и захлопнул за собой дверь. Ее, естественно, немедленно задержали. Я поспешно растер глаза, плеснул в лицо водой и откинул затвор шпингалета.

— Что случилось? Тебя кто обидел? — спросила мама.

— Никто не обидел!

Естественно, она принялась меня успокаивать. Естественно, я разревелся. Естественно, рассказал все, как хотел: шел к Сане, подошли трое, потребовали денег, я не дал, напинали, отняли десять копеек, разозлились, что больше нет, сняли куртку. Нет, лиц не

запомнил. Нет, звонить никуда не надо. Отстаньте вообще. Мама увидела, что я живой и вроде здоровый, немного успокоилась, но на свою беду спросила все-таки “Где болит?” и заставила снять кофту и рубашку. Охнула, посадила меня на диван и побежала к тете Вале — соседке, которая работала педиатром в райбольнице.

Тетя Валя осмотрела меня, померила температуру, поуготоваривала выпить анальгин, сказала “Ну смотри”, велела сидеть, не горбясь, с мокрым полотенцем на груди, а ногами в ведре с горячей водой и горчицей, и увела маму на кухню.

Я плохо слышал, что они говорят, но общее направление беседы угадывал. Синяк, конечно, чудовищный, но перелома, слава богу, нет, просто прохлада и покой, кошмар, что творится с детьми, ладно хоть не убили, я позвоню отцу, чтобы он поговорил со знакомыми милиционерами, этих негодяев надо найти, разве можно так — ногой в грудь.

Мне стало еще тоскливее. Батек, конечно, поговорит со знакомыми милиционерами. Но им будет не того. Всем будет не до того. И не до меня. Никто ведь не знает, что милиционер меня и бил. И не узнает. Правда, не ногой, а рукой, второй раз уже бил.

Больше, наверно, не ударит.

Никого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Июль.
Королевская ночь

1. КОНЦЕРТ ПО ЗАЯВКАМ

Динамик похрипел и сообщил старательным басом, очень важным и глумливым:

— Добрый день, дорогие товарищи. Начинаем концерт по заявкам радиослушателей. Для Вована из солнечного третьего отряда звучит наша первая песня.

Гнусаво занял проигрыш к “Серому капюшону” “Динамика”. Под окнами радиоузла восторженно взвыли — Вован оказался благодарным слушателем. Я подергался еще немного, убедился, что выход на две не дается, вышел через правую, кувыркнулся, соскочил с тоскливо скрипнувшей перекладки красивым оленем и пошел слушать “Серый капюшон” в стереозвуке. Верхние частоты обеспечивал динамик, даже два динамика — репродуктор и колонка под навесом. А низкие, точнее, нижние — Вован. Он, простирая руки к ухмылявшимся Наташке и особенно, конечно, к Ленке из второго отряда, гнусно завывал: “Как харашёу, что мы по-прежнему. У. У. Вдваю-у-у-ум”.

На этом, к счастью, песня иссякла, и я показал, как недоволен тем, что не успел спеть и потанцевать буги-вуги.

— А следующая наша композиция прозвучит для Артурика из третьего отряда.

Я вздрогнул, Вован, стремительно оглядевшись, увидел меня и заулюлюкал, как гэдээровский индеец, Наташка и Ленка ехидно зашептались. Из динамика понеслась “Речка Вача” Высоцкого. Ну спасибо хоть не Боярский. Серый меня одно время “Все пройдет” доставал.

— Мой третий отряд солнечный, а твой нет, — довольно сообщил Вован.

— Ну, — согласился я, щурясь. — Серый Петровича подпоил, что ли?

— Не. Петрович дверь запереть забыл просто. А Серый не забыл.

Сквозь хрипкое повествование под гитарку пробивался неритмичный стук, подтверждавший, что Серый не забыл запереться и что радист Петрович пока не смирился с этим фактом.

После завтрака мы бились в “Квадрат”. Это совсем простая игра, надо перепинываться мячом так, чтобы он улетел в аут не от тебя и не от твоей земли. Самое то для игры вчетвером на бетонных плитах, сразу понятно, где чье поле. Только нас-то трое, а мела нет. Вот и собачились все время на тему “Это от тебя ушел!”. В очередной раз мяч улетел в крапиву от земли Серого, он заорал, что от моей, и за мячом не пошел. Я тоже, конечно, не пошел, а Вован тем более. На этом игра иссякла. Я пошел к турнику, а Серый, значит, прокрался в радиорубку. Давно хотел, зараза.

Теперь он знай подпевал Высоцкому, немелодично так, и чем-то сосредоточенно погромыхивал. Потом сказал “О!” так, что микрофон дико зафонил и визгливый скрежет порвал тишину надо всей станицей Фанагорской.

— “Дип Папл” давай! — заорал Вован, но Серый объявил:

— А теперь по просьбе второго и третьего отрядов летит любимица публики София Ротару!

Из окна выпорхнула магнитофонная бобина — красиво, как пластмассовая тарелка для бросания. Свободного пролета ей хватило на пару метров, потом бобина дернулась и повалилась, крутясь от подергиваний за длиннющий тонкий хвост, — Серый запустил ее, удержав кончик пленки. Мы все равно заорали “Ура!” и захлопали, даже девчонки. Петрович обожал Ротару и ставил ее при любой возможности. А возможностей у него было, что у меня веснушек, — так что, наверное, каждый октябренок-пионер “Юного литейщика” ловил себя на том, что в задумчивости надсадно напевает: “И все, что было, — слайды, слайды”. Ловил себя, бил себя и проклинал себя, Ротару и Петровича. Герой Серый эти проклятия, получается, осуществил.

Вован подхватил размотавшуюся до половины бобину, вчесал на дальний конец площадки, гаркнул: “Артур, лови!” — и метнул ее мне под комментарий Высоцкого: “Возвраща-лся, хохоча”.

— Леонтьева найди! — заорал я с восторгом, принимая несчастную конструкцию с мочальным уже хвостом и отправляя ее обратно.

Бобина с дребезгом шлепнулась в пыль, потому что Вован заголосил в знак согласия со мной и встал на руки. Грохнулся сразу, конечно, рядом с катушкой. Наташка с Ленкой слаженно принялись скандировать:

— Ле-он-тьев! Ле-он-тьев!

— Да ищу, — буркнул Серый. — Ой.

Динамик грохотнул. Похоже, Петрович усилил натиск на дверь, и Серый начал баррикадироваться.

Леонтьева я всегда ненавидел, а теперь просто презирал. И весь лагерь, в общем, тоже. Петрович врубал “Все бегут, бегут, бегут...” сразу после подъема, когда мы, ежась и зевая, выстраивались у главного входа, и шарманил по кругу два раза, пока мы два-

жды обегали здание и выстраивались на зарядку. Утро, зябко, небо серенькое, голова еще спит, а в уши этот визгливый кудряш долбится. Найти и уничтожить.

Высоцкий начал было рассказывать про погибшего летчика, щелкнул и замолчал, уступив динамик совсем толстому грохоту и скрежету. Петрович не собирался сдавать Леонтьева без боя.

— Они там всю рубку разнесут сейчас, — заметил Витальтолич.

Я огляделся и растерянно поздоровался. Девчонки захихикали и немедленно подхватили друг друга под локоток. Витальтолич, улыбнувшись, поздоровался в ответ и снова уставился на окно радиорубки, за которым мелькали непонятные тени и отражения. Валерик, как всегда, воздвигался по соседству, неприятно глядя на Вована, который, отряхиваясь, старательно отворачивался к станции.

— О, — сказал динамик. — А теперь песня, которая посвящается всей пересменке пионерлагеря “Юный литейщик”.

Динамик пощелкал и заголосил хриплым от бесконечных перезаписей кабацким оркестром. Вован, я увидел краем глаза, медленно взялся за голову. Ленка пробормотала: “Дурак, что ли, совсем”. Я сказал без особой надежды: “Может, это Лещенко какой”. А Вилли Токарев засипел: “Траля-ля-ля-ля”. Я включил задний ход и потихоньку пополз к Вовану. Витальтолич и Валерик рванули по лестнице.

Девчонки остались. Им было интересно. Нам, конечно, тоже, но больше очково. Ничего хорошего из включения антисоветской песни на весь лагерь выйти не могло.

Динамик слабо грохотнул, потом Серый заорал: “Э, чего дерешься-то сразу!” — и Токарев заткнулся, так и не признавшись в увлечении спортивной рыбалкой. Окно рубки с перезвоном захлопнулось — и Се-